

Сергей Меньченя

Обзор деятельности комитетов попечительства о народной трезвости в латышских уездах Витебской губернии в 1897–1907 гг.

Ключевые слова: комитеты попечительства о народной трезвости, «винная» монополия, нелегальная продажа алкоголя, чайные, народное просвещение

1 июля 1897 года в 7 западных губерниях Российской Империи – Виленской, Витебской, Гродненской, Ковенской, Минской, Могилевской и Смоленской – была начата реформа по введению государственной «винной» монополии. Государство получило исключительное право на продажу алкогольных напитков и вместе с этим объявило о начале кампании по борьбе с пьянством. Исполнителями этой политики на местах должны были стать комитеты попечительства о народной трезвости, однако целью их было не окончательное искоренение употребления спиртных напитков, а ограничение чрезмерного потребления алкоголя путём организации здорового досуга населения и просветительской деятельности (НИАБ. Ф. 2709. Оп. 1. Д. 2. Л. 3). Комитеты создавались на губернском уровне под руководством губернатора и на уездном – под руководством местного предводителя дворянства. В состав комитетов входили представители ведомств системы образования и здравоохранения, жандармерии, суда и армии, чиновники казенной, акцизной и контрольной палаты, а также представители церкви. Это давало комитетам значительные возможности, но с другой стороны превращало их в бюрократические организации, члены которых чаще всего были заняты на основном месте службы. Основу попечительств должны были составлять представители общественности, разделяющие цели попечительства.

В подчинении Витебского губернского комитета находились 11 уездных попечительств. В Двинском (*Dvinskās*), Люцинском (*Ludzas*) и Режицком (*Rēzeknes*) уездах преобладало латышское население, в связи с чем местные комитеты и по своему составу, и по характеру деятельности значительно отличались от других таких же уездных комитетов Витебской губернии.

Реальная антиалкогольная деятельность попечительств проявлялась в регулировании продажи крепкого алкоголя в питейных заведениях и казённых лавках и в ходатайствах о закрытии мест тайной его продажи.

В связи с введением государственной монополии количество случаев тайной продажи крепкого спиртного значительно увеличилось, возросло и число тайных притонов. Если противоправные действия ракрывались членами попечительств, то штраф взимался в пользу последних. Данная практика могла бы стать значительной доходной статьёй комитетов, однако этого не произошло по ряду причин. Во-первых, тайная продажа осуществлялась с огромной осторожностью, покупатели и продавцы ни при каких условиях не желали раскрывать друг друга, опасаясь санкций (денежных штрафов и тюремного заключения). Во-вторых, особо предприимчивые граждане, как отмечено в документах, в основном среди еврейского населения, наладили изготовление дешёвой водки из политуры и лака, объезжали окрестности в поисках клиентов и по предварительному сговору на месте организовывали тайное производство (НИАБ. Ф. 2709. Оп. 1. Д. 35. Л. 37об). В-третьих, среди латышского населения традиционным занятием было пивоварение, и если до введения монополии пиво варили для собственных нужд и для употребления во время праздников, то с началом реформы отмечалось “повсеместное употребление пива, которое варится крепким и одурманивающим, чтобы можно было заменить казённое вино” (НИАБ. Ф. 2709. Оп. 1. Д. 4. Л. 81). В-четвёртых, многие члены попечительств не желали осуществлять надзорные функции, опасаясь за свою безопасность и боясь испортить отношения с соседями. Те же, кто проявлял активность, встречались с бездействием и коррупцией среди полицейских чинов. Так, в Режицком уезде в 1899 году учитель Орлов заявил о тайной продаже вина крестьянином Леоном Гавриловым, однако десятский (выборное должностное лицо, осуществлявшее полицейские и некоторые общественные функции, избирался жителями небольшой деревни), получив от последнего взятку в 6,50 рублей, дело замял (НИАБ. Ф. 2709. Оп. 1. Д. 35, Л. 20). Через некоторое время тот же Орлов направил в комитет жалобу на урядника, который отказался проехать в корчму для проведения обыска (НИАБ. Ф. 2709. Оп. 1. Д. 35. Л. 44). К сожалению, по имеющимся документам проследить дальнейшую деятельность Орлова не представляется возможным.

Попечительства не имели особого успеха и в регулировании количества питейных заведений. Здесь можно привести рапорт старшины

Стернянской волости (латыш. *Stirnienes pagasts*) Режицкого уезда. В одной версте (1066,8 метра) от деревни Тылтаголы (*Tiltagals*), где располагалось здание волостного правления, находилась казённая винная лавка, которая осуществляла торговлю в дни волостных сходов и судов. В связи с этим наблюдалось “столько пьяных, что за редким исключением сходы не могут состояться, а 2/3 судов приходится откладывать в связи с невменяемостью истцов и ответчиков” (НИАБ. Ф. 2709. Оп. 1. Д. 53. Л. 4). Акцизное управление при Министерстве финансов, куда было направлено предложение уездного комитета о закрытии лавки, ответило, что весомых доводов для закрытия лавки не имеется, так как по закону минимальное расстояние должно составлять 250 сажен (533,4 м), а происходящее в Тылтаголах является проблемой сельской полиции (НИАБ. Ф. 2709. Оп. 1. Д. 53. Л. 7).

Основная деятельность попечительств была направлена на антиалкогольную пропаганду и народное просвещение, на практике она проявлялась в организации чайных, читален и книжных складов, народных чтений, театральных представлений и народных гуляний.

Центрами антиалкогольной деятельности на местах являлись чайные. При организации чайных был реализован опыт западноевропейских кофеен, которые успешно действовали в Великобритании, Германии и Швеции. Однако в Российской империи вместо кофе посетителям предлагали чай, по причине того, что «народ наш больше полюбил чай, чем кофе, и что напиток этот, по количеству потребления его, стал нашим национальным...» (Значение чайных 1903, 10). Планировалось, что привычка пить чай со временем вытеснит привычку употреблять крепкие спиртные напитки.

Одной из первых в Витебской губернии 27 июля 1897 года была открыта чайная в Люцине, однако просуществовала она недолго, так как из-за спешки помещение для чайной было подобрано совершенно непригодное. К 1905 году в уезде функционировало 3 чайных: в Люцине, Бальтиново (*Baltinava*) и Старой Слободе (*Vecslabada*), а также 3 народных дома: в Липно (*Liepna*), Боловске (*Balvi*) и Корсовке (*Kārsava*) (НИАБ. Ф. 2709. Оп. 1. Д. 95. Л. 2об). Наиболее успешным заведением являлся Корсовский народный дом. Здесь располагалась чайная, закусовая, библиотека-читальня, книжный склад, сцена и сельскохозяйственный склад (там происходила продажа кос, точил и лопат). Информация о деятельности народного дома нередко отражалась на страницах различ-

ных газет, а отчёты о годовой деятельности выходили отдельным тиражом в качестве примера для других попечительств.

Двинский комитет попечительства о народной трезвости в 1897 году принял решение об открытии чайных в Двинске (30.11.1897) и Крейцбургге (*Kreicburga*) (30.12.1897) (НИАБ. Ф. 2709. Оп. 1. Д. 13. Л. 10, 27). В июне 1898 года была открыта чайная в Креславке (*Krāslava*) (НИАБ. Ф. 2709. Оп. 1. Д. 13. Л. 47). В 1905 году в уезде насчитывалось 6 народных чайных, кроме того комитет субсидировал ещё 6 частных заведений.

Чайная в Двинске находилась в наёмном помещении с арендной платой 500 рублей в год (НИАБ. Ф. 2709. Оп. 1. Д. 31. Л. 19). Месторасположение чайной было выбрано не самое удачное — «с одной стороны трактир с разливочной продажей водки, с другой — харчевня, а напротив — пивная лавка» (НИАБ. Ф. 2709. Оп. 1. Д. 34. Л. 5).

Вопрос о строительстве собственного здания Двинским комитетом был поднят в 1899 году. Сообщалось, что в связи с отсутствием пригодного помещения комитет не может организовать ни народные чтения, ни театральные представления. Городской театр был арендован частным лицом, которое запрашивало до 80 рублей за каждую акцию (НИАБ. Ф. 2709. Оп. 1. Д. 31. Л. 1). Помещение городского клуба также было непригодно для мероприятий комитета, так как из-за роскошной обстановки не годилось для принятия публики из низших слоёв, которая могла причинить клубу непоправимый ущерб (НИАБ. Ф. 2709. Оп. 1. Д. 31. Л. 1об). Проект чайной предусматривал зал на 300—400 человек, сцену для чтений и представлений, библиотеку-читальню, отдельное помещение для курящих и т.д. (Рис. 1—2). В случае недостаточности средств предлагался альтернативный вариант — строительство барака, который при должном уходе мог функционировать 10 лет (НИАБ. Ф. 2709. Оп. 1. Д. 31. Л. 19об). Губернский комитет согласился с доводами и дал добро на капитальное строительство. Вскоре возникли трудности законодательного плана. Участок для чайной был выделен городскими властями на эспланаде крепости (Рис. 3), где по закону строительство капитальных строений было запрещено, однако неподалёку уже находилось каменное здание казённого винного склада, и вопрос был улажен (НИАБ. Ф. 2709. Оп. 1. Д. 31. Л. 24). Однако проект так и не был реализован в связи с отсутствием финансовых средств.

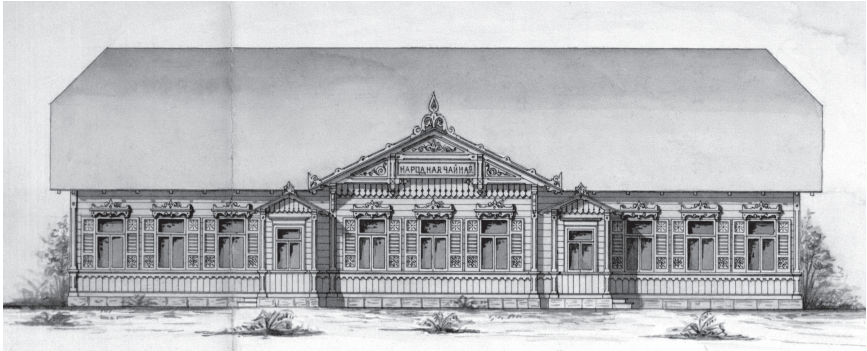

Рис. 1. Проект чайной в Двинске. Внешний вид (НИАБ. Ф. 2709. Оп. 1. Д. 31. Л. 14).

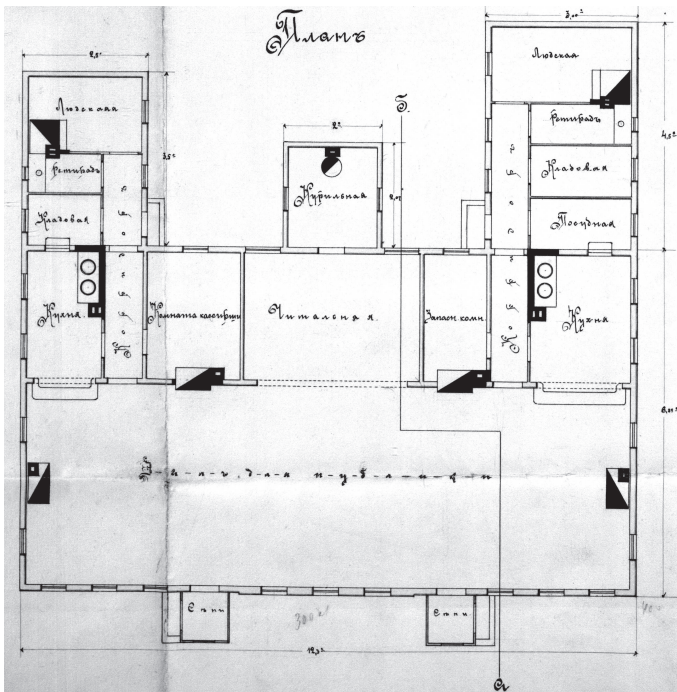

Рис. 2. Проект чайной в Двинске. План помещения (НИАБ. Ф. 2709. Оп. 1. Д. 31. Л. 14).

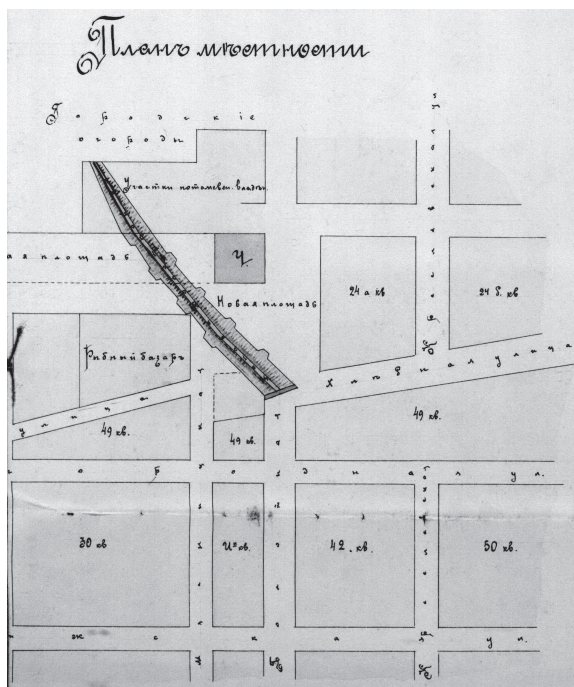

Рис. 3. Участок, отведённый для строительства чайной, на плане города (НИАБ. Ф. 2709. Оп. 1. Д. 31. Л. 14).

Чайная в Крейцбурге также не оправдала надежд, за месяц с момента открытия чайной здесь открылись трактир и 2 пивных лавки (НИАБ. Ф. 2709. Оп. 1. Д. 13. Л. 32). Заведующий чайной участковый попечитель пристав Пьянков в феврале 1898 года направил в губернский комитет письмо со своими наблюдениями и предложениями. Здесь он дал сравнительную характеристику латышей и белорусов. Пьянков отмечал зажиточность и образованность латышского населения, но вместе с тем обращал внимание на большую склонность к потреблению спиртных напитков: «латыш сплошь и рядом пьёт спирт и пьёт его в таком количестве, что нашему бы белорусу от 1/10 этого количества не подняться бы на ноги. Латыш не пьёт сивухи, водку он любит с притравкой, он очень любит коньяк». Ещё одним пороком латышского населения автор называл потребление эфира [«веселящего» газа — закиси азота] (НИАБ. Ф. 2709. Оп. 1. Д. 13.

Л. 32об). Чай как основной компонент чайной не пользовался популярностью у латышского населения, привыкшего к употреблению пива: «Чай для него ещё что-то новое, что-то лишнее... Мне случалось встречать латышей, приходивших в чайную и требовавших пиво, когда же им предлагали чай, они отворачивались и тотчас же удалялись» (НИАБ. Ф. 2709. Оп. 1. Д. 13. Л. 32об). В качестве мер по привлечению латышского населения Пьянков предлагал организовать чтения на латышском языке и выписать несколько латышских газет.

В ведении Режицкого комитета в 1898 году находилось 10 чайных, из них 2 в городе, а остальные в уезде (НИАБ. Ф. 2709. Оп. 1. Д. 35. Л. 6). Однако уже в феврале 1899 года была закрыта чайная в деревне Ломы (*Lomu ciems*), размещавшаяся в здании церковно-приходской школы. Причиной было то, что местное население, состоящее в основном из староверов, из религиозных убеждений отказывалось посещать чайную (НИАБ. Ф. 2709. Оп. 1. Д. 35. Л. 14). К 1905 году в уезде осталось всего 2 чайные. Собственное здание чайной планировали построить ещё в 1897 году, однако проект постоянно перерабатывался, и открытие состоялось лишь в 1907 году.

Основной деятельностью чайной была продажа чая для распития, чая и сахара на вынос, а также письменных принадлежностей и почтовых марок, табака и папирос. Чайная организовывала досуг посетителей, здесь находились музыкальные инструменты, посетители могли ознакомиться с различными периодическими изданиями, такими как «Губернские ведомости», «Вокруг света», «Крестьянское хозяйство», «Русский паломник» и другие. Следует отметить, что все издания были на русском языке, в связи с чем комитеты сообщали, что газеты либо вовсе не читаются, либо просматриваются лишь те издания, где имеются иллюстрации (НИАБ. Ф. 2709. Оп. 1. Д. 4. Л. 78об).

Кроме того в чайных организовывали демонстрацию граммофонов, что вызывало значительный интерес у публики. Так, в сентябре 1898 года первое такое мероприятие прошло в Режицкой чайной — были даны два концерта с воспроизведением арий из различных опер и песен на немецком и русском языках (НИАБ. Ф. 2709. Оп. 1. Д. 35. Л. 105). В Режицкой чайной с 1904 года была организована бесплатная юридическая консультация по вопросам тяжб о земле, переселения в Сибирь, призыва в армию (НИАБ. Ф. 2709. Оп. 1. Д. 79. Л. 224об). В Люцинской городской чайной в 1901 году осуществлялась бесплатная раздача чая нищим. Местными властями был указан список из 15 беднейших человек, которые в

осенне-зимний период могли получить 2 стакана чая ежедневно (НИАБ. Ф. 2709. Оп. 1. Д. 61. Л. 96).

За редким исключением чайные являлись нерентабельными предприятиями и полностью зависели от субсидий государства. Основными причинами этого являлась высокая арендная плата за помещения и скудный ассортимент продукции. В результате русско-японской войны и революции 1905–1907 годах финансирование попечительств сократилось с 4 781 000 рублей в 1903 до 2 841 000 рублей в 1907 году (НИАБ. Ф. 2709. Оп. 1. Д. 87. Л. 16). Для Витебской губернии эти цифры соответствовали урезанию с 30 до 14 тысяч рублей. Революционные события и падение доходов населения также негативно сказались на посещаемости чайных, что привело к увеличению убытков. В результате из 50 чайных, действовавших в губернии в 1905 году, к 1908 году осталось лишь 15 (НИАБ. Ф. 2709. Оп. 1. Д. 83. Л. 265об–266). Люцинский комитет ликвидировал все свои заведения к февралю 1907 года и фактически прекратил свою деятельность (НИАБ. Ф. 2709. Оп. 1. Д. 95. Л. 2об). В Двинском и Режицком уездах осталось по 1 народной чайной (НИАБ. Ф. 2709. Оп. 1. Д. 83. Л. 265об–266).

Попечительства о народной трезвости выступали организатором культурного досуга населения. Проведение народных чтений в рассматриваемых уездах по сравнению с соседними не получило значительного распространения. Например, в 1905 году в Двинском уезде было организовано 12 чтений, в Люцинском – 53, в Режицком – 16, в Витебском – 105, в Полоцком – 212, в Городокском – 538 (НИАБ. Ф. 2709. Оп. 1. Д. 79 Л. 310об–311). По донесению вышеупомянутого заведующего Крейцбургской чайной, «для местного населения чтения [таких произведений] как «Тарас Бульба», «Полтава», «Басни Крылова» не имеют никакого интереса, следует дать выбор населению и организовать чтения на латышском языке». Однако губернский комитет признал данное предложение неуместным (НИАБ. Ф. 2709. Оп. 1. Д. 13 Л. 47). Похожая ситуация сложилась и с библиотеками-читальнями. Так, в Двинске в рассматриваемый период попечительство открыло только одну читальню в 1901 году в честь 100-летия Николая Гоголя, чьё имя и носила библиотека. В Люцинском и Режицком уездах – 6 и 5 читален соответственно (НИАБ. Ф. 2709. Оп. 1. Д. 79. Л. 308об–309). Библиотеки вели учёт посетителей по вероисповеданию (иудеи и христиане) и по возрасту, а также отмечали наиболее популярные категории книг. Основной массой читателей являлись местные учащиеся, интересовавшиеся в первую очередь беллетристикой.

Книг на латышском языке не было. Большую активность местные комитеты проявили в организации воскресных школ и вечерних классов для представителей различного вероисповедания и возраста. В 1903 году разрешение на подобную деятельность получил Двинский комитет, чьи учреждения стали образцом для остальных уездов. В 1907 году здесь действовали 3 школы, где обучалось 120 учащихся мужского пола и 160 — женского (НИАБ. Ф. 2709. Оп. 1. Д. 85 Л. 240об—241). Возраст учащихся варьировался от 17 до 50 лет. Комитет обеспечивал учащихся книгами, тетрадями и письменными принадлежностями (НИАБ. Ф. 2709. Оп. 1. Д. 87. Л. 325). Режицкий комитет финансировал вечернюю школу при местном 4-классном училище.

С целью отвлечения граждан от пагубной привычки употреблять алкоголь создавались народные хоры, ставились спектакли, организовывались танцевальные вечера и народные гуляния. На святки попечительства организовывали ёлки для детей из малоимущих семей с раздачей подарков. Народные гуляния в основном были приурочены к знаменательным датам. В 1899 году широко праздновалось 100-летие со дня рождения А. Пушкина. Народные гуляния сопровождалась публичными чтениями его произведений, а также раздачей портретов и дешёвых изданий (НИАБ. Ф. 2709. Оп. 1. Д. 36. Л. 17об). В 1900 году подобным образом отмечалось 100-летие со дня смерти А. Суворова, в 1901 году — 100-летие Н. Гоголя.

Таким образом, деятельность Двинского, Люцинского и Режицкого комитетов попечительства о народной трезвости в первую очередь проявилась в организации чайных, народных домов, вечерних классов и воскресных школ, где были достигнуты достаточно высокие результаты по сравнению с другими уездами Витебской губернии. Вместе с тем, культурно-просветительская деятельность (содержание библиотек, организация народных чтений) не получила тут должного распространения, так как попечительства действовали исключительно в рамках государственной политики Российской империи и не учитывали местных особенностей (наличие различных этнических групп и языковая ситуация в регионе). Данные факторы в совокупности с резким сокращением финансирования попечительств поставили местные комитеты в значительно более трудное положение по сравнению с другими уездами и после 10 лет существования привели к ликвидации деятельности одного из них — Люцинского комитета попечительства о народной трезвости.

Список источников и литературы

Национальный исторический архив Беларуси (далее – НИАБ). Ф. 2709 (Витебское губернское попечительство о народной трезвости). Оп. 1. Д. 2. (Протоколы журналов заседаний Витебского губернского попечительства о народной трезвости (1897–1898)).

НИАБ. Ф. 2709. Оп. 1. Д. 4. (Материалы о деятельности Люцинского уездного попечительства о народной трезвости (1897–1898)).

НИАБ. Ф. 2709. Оп. 1. Д. 13. (Материалы о деятельности Двинского уездного попечительства о народной трезвости (1897–1898)).

НИАБ. Ф. 2709. Оп. 1. Д. 31. (Дело о ходатайстве Двинского уездного комитета попечительства о народной трезвости о постройке народного дома (1899)).

НИАБ. Ф. 2709. Оп. 1. Д. 34. (Материалы о деятельности Двинского уездного комитета попечительства о народной трезвости (1899–1900)).

НИАБ. Ф. 2709. Оп. 1. Д. 35 (Материалы о деятельности Режицкого уездного комитета попечительства о народной трезвости (1899–1900)).

НИАБ. Ф. 2709. Оп. 1. Д. 36. (Материалы о деятельности Люцинского уездного комитета попечительства о народной трезвости (1899–1900)).

НИАБ. Ф. 2709. Оп. 1. Д. 53. (Материалы о деятельности Режицкого уездного комитета попечительства о народной трезвости (1901)).

НИАБ. Ф. 2709. Оп. 1. Д. 61. (Протоколы заседаний Люцинского уездного комитета попечительства о народной трезвости (1902)).

НИАБ. Ф. 2709. Оп. 1. Д. 79 (Дело о предоставлении в Витебский губернский комитет отчётов за 1903 год).

НИАБ. Ф. 2709. Оп. 1. Д. 83. (Отчёт о деятельности Витебского губернского комитета попечительства о народной трезвости за 1909 год).

НИАБ. Ф. 2709. Оп. 1. Д. 85. (Отчёты уездных комитетов попечительства о народной трезвости за 1907год).

НИАБ. Ф. 2709. Оп. 1. Д. 87. (Материалы о наличии движимого и недвижимого имущества Витебского губернского комитета попечительства о народной трезвости).

НИАБ. Ф. 2709. Оп. 1. Д. 95. (Выписка из журналов заседаний Люцинского уездного комитета попечительства о народной трезвости (1912–1913)).

Значение чайных в борьбе с алкоголизмом. (1903) Санкт-Петербург. 21 с.

Sergejs Meņčena

**Vitebskas guberņas latviešu apriņķu tautas atturības
aizbildniecības komiteju darbības apskats 1897.–1907. gadā**

Atslēgas vārdi: tautas atturības aizbildniecības komitejas, degvīna monopols, nelegāla alkohola tirdzniecība, tējnīcas, tautas izglītība

Kopsavilkums

Raksts veltīts Daugavpils, Ludzas un Rēzeknes tautas atturības aizbildniecības komiteju darbībai 1897.–1907. gadā. Šo komiteju sastāvā ietilpa valsts iestāžu, baznīcas un tautas izglītības sistēmas, kā arī sabiedrības pārstāvji. Komiteju galvenais uzdevums bija uzraudzīt valsts monopola uz stipro alkoholisko dzērienu ražošanu un pārdošanu ieviešanas īstenošanu. Komitejas sekoja tirdzniecības noteikumu ievērošanai, taču īpašus panākumus šo noteikumu neievērošanas gadījumu atklāšanā nesasniedza.

Daugavpils, Ludzas un Rēzeknes tautas atturības aizbildniecības komiteju darbība pirmām kārtām izpaudās tējnīcu, tautas namu, vakarskolu un svētdienas skolu dibināšanā, kur arī tika sasniegti visai augsti rezultāti salīdzinājumā ar citiem Vitebskas guberņas apriņķiem. Kultūrizglītības darbība (bibliotēku uzturēšana, tautas lasījumu organizēšana) neieguva plašu izplatību, jo aizbildniecības komitejas darbojās stingros Krievijas impērijas valsts politikas ietvaros un neņēma vērā vietējās sabiedrības īpatnības: dažādu nacionālo kopienu un daudzvalodības pastāvēšanu reģionā. Šie faktori kopā ar strauju aizbildniecības komiteju finansēšanas samazinājumu nostādīja tās ievērojami grūtākos apstākļos nekā tie, kas pastāvēja citos apriņķos un pēc 10 eksistences gadiem noveda pie vienas no tām (Ludzas komitejas) likvidēšanas.

Sergey Menchenya

**Review of the Activities of the Committees of the People's Sobriety
in the Latvian Districts of Vitebsk Province, 1897–1907**

Key words: Committee of the People's Sobriety, "vine monopoly", illegal sale of alcohol, tea-house, public education

Summary

The present article is devoted to the activities of the Committees of the people's sobriety in Dvinsk, Lyutsin, and Rezhitsa districts of Vitebsk Province from 1897 to 1907.

The Committees consisted of the representatives of governmental bodies, churches, and the educational institutions, as well as of the members of the public.

The main task of the Committees was monitoring the implementation of reforms to introduce a state monopoly on the production and sale of spirits. The Committees monitored compliance with the rules of trade, but had no success in identifying the cases of violations of the law.

Activities of the Committees primarily manifested in the organization of tea-houses, folk-houses, evening classes, and Sunday schools, where they had quite good results in comparison with other districts of Vitebsk Province. At the same time, cultural and educational activities (libraries the organization of lectures had) have not received proper distribution here, because committees acted as agents of the public policy of the Russian Empire and did not take into consideration local conditions (existence of different ethnic societies and the language situation in the region). These factors, coupled with a sharp reduction in funding, caused a much more difficult situation in local Committees than the one that occurred in other districts, and after 10 years of existence led to the termination of the activities of one of them (Lyutsin Committee).